

Джордж Сентсбери

ЗАМЕТКИ
из
ВИННОГО
ПОГРЕБА

*Ad***M***arginem*

Джордж Сентсбери

Заметки из винного погреба

«Ад Маргинем Пресс»

1920

УДК 663.2/.5
ББК 36.87

Сентсбери Д.

Заметки из винного погреба / Д. Сентсбери — «Ад Маргинем Пресс», 1920

ISBN 978-5-91103-804-5

Английский филолог и литературный критик викторианской эпохи Джордж Сентсбери (1845-1933) прославился книгой о спиртных напитках. «Заметки из винного погреба» (1920) — описание собранной им коллекции и энциклопедия алкоголя, доступного в Великобритании второй половины XIX века. Сентсбери подробно рассказывает о достоинствах и недостатках, традициях употребления, особенностях приготовления и хранения хереса и мадеры, портвейна и виски, кларета и шампанского, бургундского, рейнского и мозельского вин, сидров, пива и т. д. Как истинный гурман и литературовед, Сентсбери не только сравнивает напитки между собой, но и приводит упоминания о них в мировой литературе. Любовь к хорошим книгам и пристрастие к хорошему вину, по мнению автора, дополняют друг друга и являются качествами, отличающими истинного джентльмена. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 663.2/.5
ББК 36.87

ISBN 978-5-91103-804-5

© Сентсбери Д., 1920
© Ад Маргинем Пресс, 1920

Содержание

Джордж Сентсбери: викторианство, литература и вино	6
Предисловие	10
Пояснения к третьему изданию	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джордж Сентсбери

Заметки из винного погреба. Тринк!

Р. К.¹

одному из лучших товарищей лучшему поэту и рассказчику своего поколения тому, кто больше всех из ныне живущих англичан сделал для укрепления духа позволившего победить в 1914–1918 годах предназначено это мое первое и последнее посвящение вместо множества рецензий и множества бутылок которые я должен был преподнести ему за тридцать лет знакомства но по капризу судьбы ни разу не имел случая или счастья сделать это

Дж. С.

Бат, на Пасху 1920 года

George Saintsbury

NOTES on A CELLAR-BOOK

Trink!

Macmillan & Co.

1920

Книга выпущена в рамках совместной издательской программы Ad Marginem и ABCdesign

Перевод:

Владимир Петров

Ad Marginem

© George Saintsbury, 1920

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Джордж Сентсбери: викторианство, литература и вино

Еще при жизни Джордж Сентсбери удостоился статьи в Британской энциклопедии. В 1911 году его именовали «самым авторитетным британским автором» из всех писавших о французской литературе, с добавлением: «Его исследования в области английской литературы не менее ценны». Со временем акценты несколько сместились, и в современном издании «Британники» Сентсбери называют «влиятельнейшим британским историком литературы и критиком начала XX века». Однако книга, предлагаемая вниманию читателя, посвящена, как явствует из названия, совершенно другому предмету. Кто же такой Сентсбери и чем он интересен сегодня?

Будущий писатель и критик, появившийся на свет в 1845 году, рос в достатке: его отец был служащим крупных компаний. От него Джордж унаследовал глубокую религиозность и консервативные убеждения. Правда, после смерти Сентсбери-старшего (сыну было тогда пятнадцать лет) положение семьи ухудшилось. Тем не менее он поступил в школу при чрезвычайно престижном Королевском колледже Лондона, а после нее – в Оксфордский университет. С самого детства он был неутомимым читателем и даже получил от школьных друзей прозвище «Словарь бесполезных знаний»; учение давалось ему легко.

Оксфорд наложил на Сентсбери глубокий отпечаток. Атмосфера старейшего из британских университетов, где образование было ориентировано в основном на гуманитарные науки и классические языки, прекрасно подходила ему. Среди студентов и преподавателей велись оживленные дискуссии на религиозные и эстетические темы, в которых Сентсбери с увлечением участвовал, заработав себе репутацию остролова и одновременно едва ли не религиозного фанатика (он неукоснительно посещал все церковные службы). Более того, Мертон-колледж, где он учился, славился лучшей в университете кухней. В «Заметках» можно найти много ностальгических воспоминаний об оксфордских временах. Закончив обучение, Сентсбери хотел остаться и преподавать в университете, но получил отказ – то ли из-за отсутствия влиятельных покровителей, то ли из-за крайне консервативных взглядов, а может быть, ввиду своей привычки разбрасываться, предпочитая широту знаний глубине. Впоследствии он еще дважды предпринимал попытки вернуться в альма-матер, и оба раза безуспешно.

Пришлось зарабатывать на жизнь иначе, тем более что к тому времени Сентсбери уже был женатым человеком (со своей супругой он проживет более полувека). Шесть лет Сентсбери учительствовал на острове Гернси, о котором сохранил самые приятные воспоминания (отголосок этого есть в «Заметках»: «... нашел земной рай на Гернси, где „можно упиться до бесчувствия за шесть пенсов“»). Остров посреди Ла-Манша, где не действовали британские законы, процветал в немалой степени за счет торговли и контрабанды. Жизнь была дешевой; Сентсбери имел много свободного времени и получил возможность познакомиться с некоторыми достаточно редкими для Англии напитками. Возможно, единственным поводом для сожаления стало то, что он так и не познакомился с Виктором Гюго, хотя знаменитый писатель, изгнанный из Франции, избрал своим местопребыванием именно Гернси, желая быть поближе к родине.

Учительские обязанности казались Сентсбери слишком утомительными, и начиная с 1877 года его основным занятием почти на двадцать лет сделалась журналистика. Сентсбери и раньше помещал статьи в периодических изданиях, выступая в качестве исследователя и, что еще важнее, горячего пропагандиста французской литературы. Именно на этом он сделал себе имя, о чем свидетельствует процитированная в самом начале энциклопедическая статья. Но с конца 1870-х годов спектр его журналистских интересов заметно расширяется. Он становится ведущим сотрудником *Saturday Review*, влиятельного еженедельника, который считали эквивалентом *Times* в области культуры. Именно там Сентсбери высказывался по вопросам политики и мироустройства. Материалы, часть которых впоследствии появилась в различных сборниках,

дают достаточно полное представление о личности их автора. Несмотря на замкнутый характер, он вступает в престижный «Сэвил-клуб», где знакомится со многими выдающимися политиками и литераторами. Среди последних назовем Редьярда Киплинга, с которым у Сентсбери установились дружеские отношения (ему, в частности, посвящена эта книга), и Роберта Льюиса Стивенсона, сделавшего «Сэвил», по мнению некоторых, прототипом своего знаменитого «Клуба самоубийц». Еда в клубе была весьма непритязательной, зато он славился отменным и недорогим вином.

Такое существование нравилось Сентсбери, но успех и влияние в обществе достигались дорогой ценой. Он выполнял колоссальный объем работы, а средств на достойную жизнь в Лондоне едва хватало. В 1894 году в *Saturday Review* сменился главный редактор. Человек американской выучки, использовавший приемы, характерные для желтой прессы, он на короткое время привлек к сотрудничеству множество блестящих профессионалов, в том числе Уэллса и Шоу, а «старую гвардию» отодвинул на задний план. Предвидя, чем всё это закончится, Сентсбери ушел, не дожидаясь формального увольнения. Благодаря наработанным за долгие годы связям ему удалось возглавить кафедру английской литературы в Эдинбургском университете.

В Шотландии он провел двадцать следующих лет. Здесь у него появилось больше времени и возможностей для того, чтобы заняться своим винным погребом и оказывать гостеприимство не только близким друзьям, но и просто знакомым, даже студентам, которых он приглашал на обеды (меню нескольких изысканных обедов приведены в конце книги). Кроме того, он приступил в эти годы к написанию фундаментальных трудов. В их числе была трехтомная «История критики и литературного вкуса в Европе с древнейших времен до наших дней». Удалившись на заслуженный отдых в 1915 году, Джордж Сентсбери поселился в городе Бат, где жил на университетскую пенсию и не прекращал литературных занятий.

Крепкий организм и постоянная закалка («хорошо в одиночку проделать пятьсот миль за двадцать дней») позволили Сентсбери дожить до восьмидесяти семи лет; он скончался 28 января 1933 года.

На пороге семидесятилетия ему довелось пережить романтическое приключение: как приглашенный экзаменатор он приехал в университет Белфаста и был сражен красотой двадцатипятилетней ирландки Хелен Уоддел; между ними началась своего рода игра – сердечная, почти любовная переписка длиной в восемнадцать лет. Вторая и последняя их встреча состоялась в 1931 году. Общение с Хелен скрасило последние годы жизни вдовца (его жена умерла в 1924 году после долгой болезни). Мы упоминаем об этом потому, что это, возможно, ключ к загадочному стихотворению некоего «Рассудительного поэта», которое вошло в первую главу книги. Поэт (похоже, сам Сентсбери) обращается «к кому-то – или чему-то – неведомому нам», а нам думается, что это именно Хелен Уоддел.

Казалось бы, главное в жизни Сентсбери уже позади, но, как выяснилось, это не так. Он давно собирался написать труд по истории вина; издательство Macmillan, с которым он сотрудничал, тоже проявляло интерес. Правда, на объемный том сил у Сентсбери уже не хватило: пришлось ограничиться лишь заметками о собственном опыте употребления спиртного, которые первоначально печатались в *Piccadilly Review*, а потом вышли отдельным изданием. Книга имела успех: за первый, 1920-й год тираж допечатывали дважды. И вплоть до наших дней «Заметки» остаются единственным произведением Сентсбери, которое читают, комментируют, обсуждают. В чем же причина такого интереса?

Во-первых, несмотря на небольшой объем, «Заметки» вместили настоящую энциклопедию спиртных напитков второй половины XIX века, по крайней мере тех, что были доступны в Британии. Даже современные знатоки нередко оказываются в тупике, увидев в книге то или иное название. Вероятно, кое о чем сейчас можно узнать только из сохранившихся каталогов торговцев, которые, однако, ничего не говорят о достоинствах вин. Особенно интересны

в «Заметках» страницы, посвященные малоизвестным напиткам – таким, как мум, кап, бишоп, нигес. Сентсбери подробно рассказывает о них, сравнивая достоинства и недостатки, вспоминая традиции употребления и особенности приготовления. Любопытно читать порой снисходительные, но довольно меткие отзывы об итальянских, греческих, американских винах, которые с той поры заметно прибавили в качестве. При всей географической непредвзятости Сентсбери, готового ценить хорошие вина независимо от места изготовления, его энология, по сути, ограничивается Францией и Пиренейским полуостровом. А территория производства высококласных вин за последние сто лет изрядно расширилась.

Во-вторых, это особый стиль изложения. Как указывается в одной из книг по истории виноделия, Сентсбери принадлежал к числу людей, «для которых потребление первоклассного вина было частью повседневной жизни». Поэтому его стиль рассчитан прежде всего на тех, кто уже обладает соответствующим опытом. Но, возможно, читателю наших дней он будет ближе современных описаний, насыщенных сложными терминами и зачастую непонятных неспециалисту. Как правило, Сентсбери оперирует краткими, доступными эпитетами: «хорошее», «великолепное», «скверное» и т. п., – избегая таких вот сложных пассажей, ныне ставших нормой: «Ароматы роз и дегтя, оттеняемые шоколадом, вишней, изюмом и черносливом, с суровыми тонами табака и целебных трав». Зато он постоянно сопоставляет вина, предположительно уже известные его читателям, с неизвестными – быть может, тогда казавшимися экзотикой.

Бесспорно, примечательно и то, что книга полна литературных ссылок и аллюзий: одни лежат на поверхности, другие нелегко расшифровать даже знатокам европейской словесности. Сентсбери не только сравнивает напитки между собой, но и приводит упоминания о них в литературе, полагая это лучшим способом рассказать об их свойствах: «Если не ошибаюсь, их [вина с юга Франции] особенно любил Виктор Гюго, и они в чем-то схожи с ним – правда, ни одно, исключая „Эрмитаж“, не поднимается до таких же высот, как стихи из „Возмездия“ или „Созерцаний“. Я уподоблю их скорее повести или роману». Порой прибегал он и к обратному приему. Вот, к примеру, отрывок из его книги, посвященной английской литературе: «Славного крепкого эля, выдержанного портвейна, имеющего тонкий вкус кларета, умудряющего амонтильядо, вдохновляющего шампанского, несказанного бургундского – я имею в виду Филдинга, Скотта, мисс Остин, Диккенса и Теккерея – никогда не бывает слишком много. Но Стерн – не пиво и не эль, скорее это ликер». Любовь к хорошей литературе и пристрастие к хорошему вину естественно дополняют друг друга, будучи характеристиками истинного джентльмена.

И в-третьих, Сентсбери не просто жил в викторианскую эпоху, он был, можно сказать, хрестоматийный викторианец: представитель среднего класса, сам добившийся всего, закончивший Оксфорд, знающий классические языки, имеющий хорошую физическую подготовку, примерный семьянин, образцовый прихожанин, ценитель жизненных удовольствий, любитель всего изящного и враг безвкусицы. К тому же человек глубоко консервативных убеждений. Недаром друг подарил ему книгу с таким посвящением (о чем Сентсбери всегда вспоминал с гордостью): «Одному из двух тори, оставшихся в Англии, – от второго». В этом смысле он был цельной личностью, что чувствуется во всех его произведениях; до некоторой степени его можно даже назвать идеологом викторианского консерватизма. Не оставив программных сочинений, Сентсбери тем не менее много раз формулировал свои принципы, которые в кратком виде сводились к четырем понятиям: неравенство, индивидуализм, наследственность, собственность. Интересно отметить, что в некоторых высказываниях (например, уподобляя совершенное общество организму, в котором конечности не бунтуют с целью занять место мозга) он сближается с нашими отечественными консерваторами, такими, как его современник К.П. Победоносцев.

Раз уж мы назвали это имя, стоит сказать несколько слов на тему «Сентсбери и Россия». Он ни разу не был в нашей стране и русскую литературу ценил невысоко, делая исключение

разве что для Тургенева, а к событиям после 1917 года относился с ужасом и неприязнью. Об одном особенно варварском, по его мнению, способе обращения с вином он говорит: «Чистый большевизм». При этом, как ни странно, Сентсбери не преминул оставить след в пушкиноведении: первым сопоставил концовку «Капитанской дочки» с одним из романов Вальтера Скотта.

Но, как уже было сказано, сегодня Сентсбери помнят в основном благодаря «Заметкам». Незадолго до его смерти, в 1931 году, был основан лондонский «Сентсбери-клуб», действующий и поныне. Это один из весьма престижных винных клубов британской столицы, где состоят не более пятидесяти человек. С 1981 года в Калифорнии существует винодельня «Сентсбери»; на этикетках ее бутылок помещены афоризмы знаменитого англичанина, а одно из вин названо в его честь. Но любопытнее всего поступили владельцы одной шотландской вискокурни, решившие претворить в жизнь рекомендацию Сентсбери относительно смешивания более старого и более молодого виски («более возрастные компоненты, постоянно старясь, целебно воздействуют на более молодые, а те, в свою очередь, освежают и укрепляют их»). Покупателям предлагается несколько таких смесей.

И напоследок – совет одного винного критика: «Прочтите эту книгу дважды: в первый раз залпом – вы изумитесь и позабавитесь; во второй – неторопливо, со всеми примечаниями автора».

К этому, пожалуй, добавить нечего.

Владимир Петров

Предисловие

При виде предуведомления к настолько небольшой книге кое-кому, наверное, вспомнится старая шутка: «Кто привязал моего зятя к мечу?»²; но, может статься, оно будет небесполезной частью этой самой книги. Вероятные – и горячо приветствуемые – читатели, возможно, знают, что ранее, в куда более обширном и серьезном труде [i], выказав намерение снова отобрать у них немного свободного места на полках и времени, я объявил, что, откликаясь на просьбы, начал писать «Историю вина», и, если обстоятельства окажутся благоприятными, хотел бы закончить ее. К моему удивлению, намек был подхвачен не только в частных разговорах, но и в публичном общении, и (да будет мне позволено употребить слово в духе тех, которыми я ранее часто возмущал слух пуристов) я получил даже несколько «издательских» запросов. Мне было лестно, но я не смог в полной мере осуществить задуманное. Следовало просмотреть множество изданий; по тогдашним обстоятельствам я не имел доступа к ним, и мое первоначальное прощание было не уловкой, а плодом искреннего убеждения: «Я становлюсь слишком стар для такой работы». Чтобы удовлетворить собственные представления о тщательности, я должен был проделать громадное по объему исследование, ведь я никогда не делюсь мнениями о вещах, книгах и людях, полученными из вторых рук. Кроме того, мне предстояло в таком случае выпить больше хорошего вина, чем было бы благотворно для моего кармана или даже для моего здоровья, и больше плохого, чем я мог бы употребить без отвращения в свои преклонные годы. Поэтому я сопротивлялся не столько дьяволу (который, по известным причинам, питает ненависть к вину), сколько слишком прелестным ангелам, не желая вдаваться в подробное изъяснение предмета.

Мне, однако, показалось, что я не проявлю непоследовательности по отношению к выше-сказанному, если буду доверять бумаге кое-какие заметки и воспоминания по этому поводу, способные показаться забавными некоторым читателям и полезными – остальным, если дело пойдет на лад, и, независимо от того, как оно пойдет, подбавить немного литературы к одной из трех главных радостей в жизни. Лишь тот, кто слишком мнит о себе, может полагать, будто он способен добавить кое-что существенное к тому, что уже написано о «женщинах и песне»³. Но если не считать упоминаний в песне как таковой (здесь я, увы, наделен лишь критическими, но не творческими способностями), да и то скорее в общих чертах, нежели в деталях, должен сказать, что вино, на мой взгляд, не получило должного отражения в литературе. Есть превосходные исключения; возможно, лучшее из всех – Теккерей. Но серьезные книги о вине, как правило, порядком унылы; несерьезные же книги и пассажи довольно поверхностны. Я знал достойнейшего человека, истинного любителя вина и обладателя огромного дарования, рассуждавшего в прозе о «Карт Бланш»⁴ (или какого уж цвета оно было), словно о шампанском вроде брюта или «глаза куропатки»; и даже второразрядные певцы – я говорю не о Панарде или Томе Брауне, которые в этом отношении вовсе не «второразрядны», не о Пикокке, не о самом Теккере – склонны к неопределенности, говоря о напитке лишь как о «розовом» или «игристом» и тем самым отделяваясь общими словами. Мы редко получаем от них «полоски на тюльпане»⁵, на которые вправе рассчитывать. Поэтому лишние подробности, пусть даже в

² Имеется в виду шутка Цицерона про его зятя, который при небольшом росте носил на поясе длинный меч: «Кто привязал моего зятя к мечу?»

³ «Wein, Weib und Gesang» (нем. «Вино, женщины и песня») – вальс И. Штрауса (1869).

⁴ Blanche – белый (франц.).

⁵ Отсылка к изречению английского литературного критика Сэмюэла Джонсона: «Поэт не считает полосок на тюльпане» (то есть не вдаётся в подробности).

небольшой степени и лишь на уровне словесных измышлений, помогут слегка раскрыть тему, хотя и не с тем размахом, какого она заслуживает.

Эта моя идея впервые обрела сколь-нибудь определенные очертания благодаря просьбам редактора бойкого, но, увы, слишком недолговечного журнала *Piccadilly Review*. Он поместил две главы книги (первую и вторую). Затем издание приказало долго жить, притом что третья глава была уже набрана; три следующие я написал во время его агонии [ii].

Я сразу же объявил о своем намерении напечатать это в другом месте, и сэр Фредерик Макмиллан крайне любезно расширил или изменил (не знаю, как правильнее) свою просьбу, сказав, что вместо объемистой книги пока удовлетворится вот этой, небольшой. Вполне сознавая риски, я взялся за это дело; что выйдет – покажет время. Возможно, кто-нибудь – не из числа безнадежных *боболиционистов* – заметит: «Мистер Сентсбери, похоже, тратит громадные деньги на всяческие роскошества». Если я говорю об этом заранее (так говорят некоторые, не желающие сочинять письмо благодарности, после того как забросали других просьбами), то не от малодушия и не из-за нечистой совести. Прошу читателей иметь в виду, во-первых, что временной отрезок, который здесь подразумевается или называется прямо, растянулся более чем на полвека, и во-вторых, что – об этом подробнее сказано в самой книге – я редко покупал сразу больше дюжины бутылок того или иного вина: обыкновенно полдюжины или даже меньше, на пробу. В мире вина, так же как в мире книг и прочих вещей, я старался быть (ничтожнейшим) Одиссеем, всегда устремляющимся от изведенного к неизведанному. И в-третьих, почти двадцать лет я был журналистом и литератором – образ жизни, к которому более чем приложимо восклицание Теккерея: «Чтобы я роптал на хорошее вино? Скорее моя лошадь будет роптать на овес», – и еще двадцать лет занимал положение, при котором, ощущая на себе гостеприимство, ты не просто обязан, но и рад проявлять его в ответ. Всё это объяснения, а не оправдания. С тех пор как я начал сам зарабатывать на жизнь, деньги, уплаченные за напитки, что перечисляются в этой книжице, – это траты, которых я стыжусь меньше всех остальных и которые вознаградили меня больше всех остальных. Если напитки были хороши, они улаживали мои чувства, подстегивали мой разум, улучшали мои нравственные и интеллектуальные качества – и давали мне возможность одаривать этими благами других. И независимо от того, оказывались они хорошими или дурными, виноградины, шедшие на их изготовление, были плодами того самого Древа Познания, которые – о чем охотно забывают богословы – не только можно, но и нужно употреблять, хотя и разборчиво, ибо наша Праматерь уже заплатила за это и передала их нам, чтобы мы платили в свою очередь.

Итак, я начал говорить почти серьезно, и не будет вреда, если я сохранию этот тон до самого конца предисловия. Еще не так давно к противникам добропорядочного питания можно было питать добродушное и чуть ли не ленивое презрение. Они наказывали сами себя и были неспособны нанести урон нам. Но те времена прошли. Избирателей теперь столько, что их уже не сосчитать; здравый смысл жителей страны подорван переизбытком так называемого образования; политики, и без того не слишком заслуживавшие доверия, перестали заслуживать его совсем; великие учреждения, некогда бывшие оплотами против распространенных заблуждений, открыли ворота, куда хлынули мутные воды. Ранее считалось: пусть такого-то епископа или судью нельзя назвать образцом святости или мудрости, но первый не одобрит глупые, заварные причуды, а второй не станет прислушиваться к возгласам толпы. Пусть каждый сам решит, так ли это сейчас. Мы не станем делать ничего, могущего сойти за *scandalum magnatum*⁶, но подозреваем, что у некоторых есть сомнения на сей счет. А потому лучше подходить к этой теме – как и к прочим – с осторожностью, особенно в силу некоего соображения.

Так называемая «партия умеренности» проявляет поразительную, хотя, безусловно, во многих случаях бессознательную *нечестность*. Фанатики и фигляры всегда нечестны. Фор-

⁶ Клевета в адрес высокопоставленного лица (*лат.*).

мула «к вящей славе Божией» лишь подчеркивает кощунственность их склада ума – склонного к преувеличениям, негибкого, определяющего всю их природу. Но остается вопрос: может ли самый иезуитский из иезуитов, порожденный самым что ни на есть горячным протестантским воображением, превзойти закоренелого сторонника умеренности в бесконечных уловках и увертках, поправках и дополнениях к собственному методу? Такие явления лучше всего изучены не на примере ярых борцов за трезвость, честных, как Аввакум Многогневный⁷, а на примере членов обществ, которые якобы выступают лишь за ограничение часов продажи спиртного, ограничение крепости напитков, повышение налогов на них и так далее, но на деле готовят полный запрет, шаг за шагом. Если не считать отказа от воинской службы по соображениям совести, в последние пять лет не было ничего отвратнее криков: «Но вы ведь не станете пить, *пока* идет война!», «Но вы ведь не подумаете пить *после* войны!» Чтобы защититься от них, добрым выпивохам стоит вооружиться следующими фактами, каждый из которых проверен.

1) Нет никаких заслуживающих доверия научных доказательств того, что умеренное потребление качественных алкогольных напитков сколько-нибудь вредит здоровому организму; в то же время есть безусловные свидетельства, собранные на протяжении всей истории человечества, относительно того, что алкогольные напитки употреблялись сильнейшими, мудрейшими, красивейшими, в общем, лучшими народами всех времен, и личный опыт бесчисленного множества людей склоняет к их употреблению. Эти фанатики с поразительной дерзостью уверяют, что «даже умеренное потребление сокращает жизнь». Кратчайшее размышление приведет здравомыслящего человека к выводу, что для подкрепления этих слов нужны исчерпывающие клинические и биологические данные о каждом «умеренном потребителе», собранные с начала времен, если только не вставить софистски звучащее «иногда», которое делает утверждение почти бессмысленным [iii]. Если кто-нибудь останавливает лошадь на скаку, чтобы спасти жизнь другого человека, это может сократить его собственную; такое же действие порой оказывает поход в церковь утром, если погода не задалась. Более того, заявление о том, что умеренное потребление *во всех случаях* сокращает жизнь, не просто недоказуемо: есть – и всегда будут – доказательства обратного. Каждый знает, или при желании легко может узнать, об «умеренно употребляющих», проживших существенно дольше среднего возраста, не уступающих трезвенникам по телесному здоровью и способных посрамить чуть ли не каждого из них, если речь идет об умственных способностях. Мы предполагаем, что эта чудовищная неточность имеет в основе некий психологический эксперимент: и действительно, если дать, скажем, мыши хотя бы каплю абсента или неочищенного картофельного спирта, можно будет сказать, что его «умеренное» потребление сократило ее жизнь. Но в остальном порядочный человек не должен так утверждать, разве что в качестве своей личной точки зрения, а разумный человек не должен верить этому, как бы оно ни преподносилось – в виде точки зрения или в виде непреложного факта.

2) Стоимость этих напитков, на которую часто ссылаются, всецело зависит от законодательства, и большая часть денег, будто бы потраченных на это, расходуется на работу государственного аппарата; таким образом, непатриотичные (и крайне неблагодарные) трезвенники не платят свою долю. Раньше изготовление бутылки виски, за вычетом налогов, обходилось в несколько пенсов, а галлона доброго пива – в четыре пенса *с налогами*.

3) Довод насчет продуктов, идущих на производство алкоголя, также ошибочен, хотя и по-другому. Конечно, виноград – своего рода еда, но отнюдь не основная; сахар, который берут пивовары, не употребляется в пищу; пшеница почти не применяется ни в пивоварении, ни в винокурении; и, как показала долгая эпоха душевного здоровья, хорошей работы и приличного,

⁷ Аввакум Многогневный (англ. Nabakkuk Mucklewraith) – персонаж романа Вальтера Скотта «Пуритане», фанатичный проповедник.

но не запредельного жалования, совсем не сложно обеспечить целый мир продовольствием и напитками одновременно, притом по низким ценам.

4) Теперь насчет злоупотреблений: «Во зло употреблять не должно ничего» – такого ответа достаточно, чтобы разбить всю ложь, нагроможденную вокруг этого [iv]. Но можно пойти дальше и прямо сказать, зная, что из ваших уст исходит истина: на каждое злодеяние, которое приписывается действию спиртного – будь то правда, плод фантазии или бессовестное преувеличение фанатиков, – приходится сотня добрых, прекрасных дел; на каждую разрушенную или испорченную жизнь приходится тысяча счастливых; всё лучшее, что создало людское воображение, следует отнести на его счет; наконец, борцы и те, кто заняты тяжелым трудом, только крепчают от него.

Но не будем чрезмерно возмущаться и завершим вступительную часть словами, лишенными даже намека на извинение. Временами забывают, что если одна вершина Парнаса посвящена Аполлону, то над второй властвует Дионис. Тот, кто пишет эти строки, по своей неспособности создать достойные Феба вещи всю жизнь старался славить и распространять их. Поэтому будет уместно, прежде чем он навсегда отложит в сторону перо, выразить, по мере сил, такое же почтение второму владыке «двойной горы».

Пояснения к третьему изданию

Эту книжицу переиздали с такой непредвиденной быстротой, что автор не смог внести поправки, грозившие неоправданными задержками, и сказать несколько слов об отношении публики к первому изданию. Оно оказалось невероятно – даже пугающе – благожелательным. Как и мой полутезка Борроу⁸, я вспомнил некие тягостные слова о «Горе»; разумеется, Судьба без промедления взяла свою дань, о чем нет нужды говорить подробнее. Но даже самый прожорливый автор на моем месте удовлетворился бы полностью или, по крайней мере, насытился частично тем, что я нашел в печати, не говоря уже об отзывах, полученных в частном порядке. Мне пришлось пережить и разочарование – вся эта история тянулась довольно долго. Я рассчитывал на небольшую «славную войну» вроде той, что вел мистер Киплинг с одним поборником воздержания. Но те удары, которые долгое время принимал мой выставленный на всеобщее обозрение щит, оказались на удивление слабыми: предполагалось, что их наносят острым наконечником копья, однако на деле в ход пошли грубые орудия, сжимаемые неумелыми руками. Какими бы ни были недостатки этой книги, в ней, конечно же, не выражается, прямо или косвенно, желание (приписываемое мне одним sbirro⁹

⁸ Джордж Генри Борроу (1803–1881) – английский писатель, автор этнографических трудов, в том числе посвященных Испании.

⁹ Соглядатай (*итал.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.